

Свидетель эпохи

И. Бондаренко, беседовал В. А. Волошин

В октябре 2012 года известному российскому писателю, автору ряда исторических романов и повестей, таганрожцу Игорю Михайловичу Бондаренко исполнилось 85 лет. Один мой коллега однажды сказал, что Бондаренко как бы «запрограммировал» себе долгую жизнь уже в названии одного из своих романов – дилогии «Такая долгая жизнь». В свое время в газете «Таганрогская правда» И. М. Бондаренко рассказал о прототипах своего романа. А в главном герое повествования Володе Путивцеве угадываются черты собственной биографии автора.

В частной беседе с Игорем Михайловичем, которая продолжалась не один час, я заинтересовался:

– Игорь Михайлович, насколько близок текст романа к происходившим событиям и людям, описанным в романе?

– У меня есть такое правило: не писать о том, чего не знаешь. Этим правилом я пользовался и при написании романа «Такая долгая жизнь», в котором показана, если быть точным, жизнь двух таганрогских семей на протяжении почти всего XX века. Это действительно реальные семьи: семья Путивцевых и семья Бондаренко. Правда, я сделал перестановку: семья Бондаренко в романе стала Путивцевыми, а семья Путивцевых – Константиновыми...

В самой семье Путивцевых (Бондаренко) я несколько изменил и ее состав: добавил четвертого брата Пантелея, летчика. Михаил, Максим и Алексей имеют реальных прототипов, а Пантелей – придуманный мною образ. Так как в романе большое место занимает война, то я не мог обойтись без летчика. Я уже сказал, что мое правило – не писать о том, чего не знаешь, и вы вправе сказать мне: «Вы же не летчик, а писали о летчиках». Художественный вымысел в романе, конечно, есть, без него роман как художественное произведение не может состояться, хотя Пантелей Путивцев вымышленный персонаж, но...

У меня «по летной части» были хорошие консультанты. Во-первых, генерал-майор Водопьянов, один из первых Героев Советского Союза, принимавший участие в знаменитой эпопее по спасению челюскинцев. Во-вторых, Валентин Иванович Аккуратов, главный штурман полярной авиации СССР, с которым я был близко знаком. Оба они водили самолеты бомбить Берлин в августе-сентябре 1941 года, в то время как наша армия повсеместно отступала. И мне как раз хотелось рассказать об этих налетах, малоизвестных широкому читателю.

– И как, получилось?

– Вот телеграмма, которую я получил в 1977 году, когда роман вышел в свет в двух томах: «Обе книги прочитал словно пережил полеты в бездну ночи тчк глубина правды поразительна тчк художественность захватывает душу мысли тчк поздравляю зпт благодарю тчк Аккуратов».

– Говорят, что на ваш роман в ростовский магазин «Книга — почтой» от читателей пришло почти 60 тысяч заказов. Такой популярности можно позавидовать.

– Да, это так, чему я сам был крайне удивлен. Роман сначала печатался в журнале «Дон», который тогда выходил тиражом более 100 тысяч экземпляров и расходился по всем городам и весям СССР. В редакцию журнала «Дон» стали приходить письма от читателей, и на мое имя в частности (я тогда работал ответственным секретарем редакции и был членом редколлегии), с просьбой выслать экземпляр романа. И я выслал несколько экземпляров, но всех респондентов удовлетворить не мог. Тогда я взял несколько писем и поехал в мага-

зин «Книга - почтой». Директор любезно меня приняла и сказала: «Игорь Михайлович, вашу просьбу мы выполним, но знаете, сколько пришло заказов на вашу книгу? 56 тысяч! А мы получили только тысячу экземпляров».

У меня был с собой дипломат, и я набил его письмами-заказами людей, кому уже было отказано. Мне было интересно: откуда же эти письма? Оказалось, они пришли со всего света или, как поется в старой песне, «от Москвы до самых до окраин...». Воркута, Архангельск, Братск, Усть-Илимск, Керчь, Ашхабад, Ростов, Таганрог - все города перечислить просто невозможно. Я потом эти заказы раздавал таганрогским музеям, библиотекам «на память», в мое «личное дело» в Таганрогском архиве, и еще кое-что у меня осталось...

– **Известно, что ваш роман-диалогия выходил и в основном в то время издательстве художественной литературы в СССР – «Советский писатель» 100-тысячным тиражом.**

– Да, в то время это было самое известное в стране издательство. Из донских писателей там печатались только Виталий Закруткин, Анатолий Калинин и Михаил Соколов.

Когда в 1990 году роман вышел в Москве, мне позвонили из «Мосфильма» и сообщили, что народный артист СССР Евгений Матвеев намеревается снять фильм по моему роману. Мы уже примеряли роли. Сам Матвеев собирался сыграть Пантелея Путивцева, но кино - это «долгая песня». И пока мы «примерялись», наступил 1991 год, развал СССР и советского кинематографа, и снять фильм нам не удалось.

– **Вы с родным городом пережили и начало войны, и оккупацию, что нашло отражение в романе. А какие личные впечатления остались за страницами романа?**

– Очень многое из того, что я пережил, нашло отражение и в романе, и в повестях «Обжалованию не подлежит» и «Астрид». Что запомнилось и что не вошло... Мой отец Михаил Маркович Бондаренко был арестован НКВД в 1937 году и домой не вернулся. Официальная справка, которую выдали моей матери, гласила, что он «осужден и выслан в дальние лагеря без права переписки». Мы тогда еще не знали, что это означает расстрел. В романе прототипа моего отца Михаила Путивцева тоже арестовывают, но в 1940 году. Его освобождают, и он погибает на фронте. Я это сделал по двум причинам: если уж суждено было моему отцу в тридцать с небольшим лет погибнуть, то это должно было произойти на фронте, а не в подвалах ростовского НКВД. Так случилось с другом отца Михаилом Щаренским, который тоже представлен в романе. Они оба были коммунистами, преданными своей советской Родине. Однако историческая правда состоит в том, что в 1940 году многие заключенные были освобождены – достаточно назвать такие громкие имена, как будущий маршал Рокоссовский, генералы Мерецков, Горбатов. А если посмотреть, что было «рядом», то моя мать, которую тоже арестовали в 1938 году, и арестованный брат отца Максим также были освобождены в 1938 году, как только был снят с поста наркома внутренних дел Ежов. На его место пришел Л. П. Берия.

В романе у меня есть персонаж Ананьин -заместитель начальника Таганрогского НКВД, бежавший из города и расстрелянный как паникер отрядом НКВД под Ростовом. Я дал персонажу другую фамилию, так как у него были дети, а теперь уже и внуки и правнуки, и они не должны краснеть за проступки своих предков.

Так вот, когда немцы 17 октября 1941 года заняли Таганрог, через несколько дней пронесся слух, что таганрогские энкаведисты бежали, а политических заключенных убили и сбросили в канализационные люки во дворе здания НКВД. Мы с мамой ходили туда, картина была жуткая. Но отца среди убитых не было. Но всех ли заключенных тогда убили и бросили в канализационные люки? Нет. К примеру, таганрогский историк П. П. Филевский был выпущен из НКВД перед тем как гитлеровцы взяли город. И он пришел в семью Орешко, так как своей семьи к тому времени у него не было. Я это знаю из рассказов самой Орешко. Когда я готовил для энциклопедии статью о Филевском, то имел с ней встречу.

Ничего не хочу ни прибавлять, ни убавлять. Так было. Было все: подлость, низость, трусость, шкурничество, но был и героизм. Как известно, руководители города – первый секретарь Таганрогского горкома ВКП(б) Решетняк, заместитель председателя горисполко-

ма Рамазанов и другие уходили из города последними, морем, так как Таганрог уже 13 октября был отрезан от Ростова, от большой земли. Уходили на корабликах из порта, а там, где сегодня стоит памятник Петру I, на косогор вышли немецкие танки и расстреливали эти кораблики прямой наводкой из пушек, а тех, кто не был убит и не утонул, «встречали» на берегу и расстреливали.

Таганрог сегодня по праву носит гордое имя «Город воинской славы». Немецкая армия Клейста в октябре 1941 года почти без боев взяла Бердянск и Мариуполь, и только перед Таганрогом они встретили серьезное сопротивление в период с 9 по 17 октября. Это дало возможность выстоять Ростову до лета 1942 года. Короткий период оккупации Ростова в ноябре 1941 года не менял общей картины – фронт стабилизировался до лета 1942 года. Если бы немцы так же без боя взяли Таганрог, а потом и Ростов, то путь им на Кавказ и к Волге был бы открыт. Никаких крупных воинских соединений и оборонительных рубежей на этих направлениях не было.

– Писатель Юрий Бондарев, рассказывая о вас в Википедии, писал: «Ваша биография – это не один, а несколько романов. Это история военного поколения, которое невозвратно». Вы были всем – сыном врага народа, малолетним узником гитлеровских лагерей, участником антинацистского движения Сопротивления в Германии в 1943-1944 годах и наконец бойцом полковой разведки в 1945 году на 2-м Белорусском фронте. Я понимаю, что тема политических репрессий 1937-1938 годов для вас большая, о ней тяжело вспоминать, но, все-таки, что бы вы сказали сегодня нашим читателям о том времени?

– Действительно, тема эта для меня - незаживающая рана. Мой отец Михаил Маркович Бондаренко был репрессирован и погиб в застенках НКВД. В 1956 году Верховный Суд СССР реабилитировал его, а по моему заявлению Таганрогский горком партии восстановил его посмертно в рядах ВКП(б).

Несколько слов об отце и о том времени. Мой отец 1905 года рождения. В 16 лет из села Самбек пришел в Таганрог и поступил на металлургический завод разнорабочим. Учился на рабфаке. Получил специальность электрика. Вступил в комсомол. Вскоре его избрали секретарем заводской комсомольской организации. В 1927 году вступил в партию, а в октябре родился я, и мне дали имя Гарри. Матери тогда нравился популярный актер немого кино Гарри Пиль, а отец согласился на это имя потому, что генеральный секретарь английской компартии был Гарри Поллит.

Родители мои венчались в Никольском храме. Мой дед Тихон Иванович Путивцев был церковным старостой, человеком глубоко верующим, и не давал согласия на брак без венчания в церкви. Крестили меня тоже в Никольском храме. Я привожу эти детали опять-таки с единственной целью: рассказать, как все происходило на самом деле.

В 1932 году отца назначают секретарем Владикавказского окружкома комсомола, куда они поехали с Михаилом Щаренским, о котором я уже упомянул. На Кавказе тогда обстановка была схожей с той, что сегодня: мягко говоря, беспокойно...

Из Владикавказа отец едет на учебу в Москву. А мы с матерью возвращаемся в Таганрог. По возвращении из Москвы отца избирают председателем завкома металлургического завода, затем переводят на кожевенный завод секретарем парткома, далее на котельный и авиационный заводы. И после этого первый секретарь Таганрогского горкома партии Варданиан берет его вторым секретарем. В те годы вторые секретари занимались вопросами промышленности, транспорта и связи. А по сути, являлись заместителями первого. Вот так готовились кадры. А кадры, как известно, решают все.

Варданиана арестовали в 1936 году, член политбюро Серго Орджоникидзе застрелился в Москве. Начался тот драматический период, который вошел в историю под названием «ежовщины», а потом – «бериевщины». А на XX съезде КПСС, состоявшемся в 1956 году, 30-е – начало 50-х годов были названы «периодом необоснованных сталинских репрессий».

В нашем доме культа Сталина никогда не было, не висели его портреты, но был портрет маршала Тухачевского, который нравился моей маме. А когда Тухачевского арестовали, отец пришел с работы домой и сказал матери: «Снимай своего любимца». Я, конечно,

не могу и не скажу, что отец был против Сталина, Сталин был признанным партийным лидером, отец не мыслил себя «вне партии», так он однажды матери и сказал. Его арест тоже был как бы не совсем «обычным». Звонок из НКВД: просили подойти «по неотложному делу», он пошел и не вернулся... Вот так! А впереди была ВОЙНА...

– **Вы не только свидетель, но и участник той войны...**

– Прошло уже много лет. После развала СССР в печати появилось много материалов о войне, и материалов противоречивых. Никто не отрицает, да и глупо это было бы делать, что во время войны наш народ проявил необыкновенную стойкость, мужество и героизм.

– **Но 27 миллионов погибших – это огромная цифра! Что вы можете сказать сегодня о войне, ваши книги о которой издавались и издаются по сей день?**

– Да, война была великая и Победа - ВЕЛИКАЯ. Сначала о потерях. Они, конечно, огромны, но давайте подсчитаем: 27 миллионов, из них примерно половина погибла на оккупированных гитлеровцами территориях и в немецких лагерях в Германии.

Боевые потери Рабоче-крестьянской Красной армии, так она тогда называлась, превышают потери немецкой армии, не буду сейчас подробно останавливаться, почему так произошло. Есть очень точные слова в песне Булата Окуджавы: «А нам нужна одна Победа, одна на всех, мы за ценой не постоим...». Эти слова некоторые либеральные историки толкуют однобоко: «не жалели людей», «завалили трупами», «гнали красноармейцев на убой». Дело обстояло значительно сложнее. К примеру, возьмем Таганрог, таганрогское подполье. Кто гнал этих молодых людей «на убой»? Это были патриоты, борьбу с ненавистным врагом они считали своим долгом.

Скажу несколько слов о тех, кто погибал в немецких лагерях, да и о себе, в конце концов. Вот я, «сын врага народа», в сорок пятом году бежал из лагеря. Куда? На запад, где вели боевые действия наши союзники на территории Германии, или на восток, к своим? Конечно же, к своим, хотя я и понимал, что встреча со своими могла быть для меня «разной», так скажем мягко...

– **Кстати, о побеге. Как вам это удалось? Лагерь, колючая проволока, наконец, чужая страна...**

– Расскажу все по порядку. В 1942 году эшелон с русскими невольниками прибыл в Росток. В этом городе находились два авиационных завода Хейнкеля - головной сборочный завод «Мариене» и завод «Бляйхештрассе». Когда «молниеносная война» у Гитлера провалилась и немецкая армия понесла большие потери и в живой силе, и в технике, Германии потребовалось много рабочей силы, которую они начали свозить из разных стран Европы, но самой дешевой рабочей силой были, конечно, русские. Я называю так всех граждан СССР, попавших к немцам, для них мы ВСЕ были «русскими, советскими».

Вот, к примеру, завод «Мариене», на котором я оказался. На заводе работало более 15 тысяч рабочих. Кроме немцев (доля их с каждым годом все уменьшалась – фронт забирал всех), на «Мариене» работали поляки, венгры, чехи, французы, голландцы, итальянцы.

Паек, так назовем, который выдавался русским, был самым скудным - 250 граммов хлеба из отрубей и свеклы и два раза баланда из брюквы, шпината, моркови и картофеля. Баланда эта варилась для русских отдельно, для поляков – отдельно, для «иностранцев» (в эту категорию входили французы, голландцы, венгры, чехи, итальянцы) – отдельно и для немцев - отдельно.

Завод «Мариене» представлял собой в миниатюре «новую Европу», которую строил Гитлер. Как-то я услышал разговор двух молодых людей. У ларька они пили пиво. Один говорит другому: «А если бы победили немцы?» Второй замечает: «Ну... пили бы баварское пиво...». Не пили бы. Кто остался бы в живых, а таких планировалось оставить всего 30-40 миллионов, ели бы баланду из брюквы и работали по 12 часов.

Как ни парадоксально это может показаться, но после Сталинграда русским в лагерях «улучшили условия»: на неделю стали давать пачку кременчугской махорки, 50 граммов маргарина и 50 граммов «мармелада», так называется в Германии повидло. На са-

мом деле парадокса никакого не было. Русских в Германии в лагерях вместе с военнопленными было около пяти миллионов. До сих пор гитлеровцы применяли к нам только «кнут» – «гумми» – резиновую дубинку с проволокой внутри. После Сталинграда решились и на «пряник»...

Резервная армия в Германии предназначалась не только для пополнения фронтовых частей солдатами, но и для подавления возможных восстаний рабов – прежде всего русских и не только. Операция «Валькирия» объявлялась в случае нестабильности в самой Германии, в этом случае вся власть переходила к военным, это и решил использовать полковник, начальник штаба резервной армии Клаус Шенк фон Штауфенберг при покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. Но покушение оказалось неудачным. К этому времени сопротивление нацизму в Германии со стороны разных социальных групп уже набрало значительную силу. Сопротивление в Германии стало возникать сразу же после победы наших войск под Сталинградом... И на заводе «Мариене» к этому времени были созданы группы Сопротивления.

– Из фильма немецкого телевидения и газеты «Остзее-Цайтунг» мы узнали о вашем участии в антифашистском французском Сопротивлении в Германии в годы минувшей войны. Но почему во французском?

– Я оказался на заводе «Мариене» в «транспорт-комmando» – это транспортная команда, а проще -грузчики. В 1943 году меня определили к двум военнопленным французам, которые тоже входили в транспортную команду и обслуживали передвижной электрокран.

Эдуард и Эмманэль, «мои» французы, уже принадлежали к французскому движению Сопротивления, которое ориентировалось на генерала Де Голля и на Лондон. Не буду говорить о каких-то мелочах, как мы вредили немцам, расскажу главный эпизод.

В 1944 году на Лондон стали падать немецкие ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2. Защиты от ФАУ-2 англичан не было, и это их сильно беспокоило. Самыми близкими предприятиями к ракетами, конечно, являлись авиационные заводы. Совершенно справедливо предполагалось, что детали для ракет делают авиационные заводы, поэтому французским специалистам было дано задание узнать, какие авиационные заводы производят детали для ракет. Один такой француз по имени Мерсье приехал в Ростов на завод «Мариене». Он привез с собой кальки и синьки чертежей ракеты, которая не взорвалась под Лондоном. Ее извлекли из земли, разобрали, сделали чертежи деталей, размножили и снабдили ими «добровольцев-французов», которые ехали в Германию.

На заводе «Мариене» было конструкторское бюро, где сидел сам Хейнкель - главный конструктор и владелец авиаимперии, которая носила его имя. После очередной тотальной организации в начале 1944 года немцы вынуждены были взять копировщицами шесть русских девушек из нашего лагеря, одна из них была моя землячка – Женя. Перед войной она окончила Таганрогский авиатехникум. Во время обеденного перерыва мы все встречались на берегу залива Варнов, где стояли несколько барачных-кantine, то есть столовых, – два для русских, один для французов и для других национальностей. «Мои» французы знали, что Женя моя землячка, и попросили меня свести ее с Мерсье.

Наш передвижной электрокран работал на аккумуляторных батареях и подзаряжался в боксе, где его оставляли на ночь. В этом боксе и состоялась встреча с Мерсье, который показал Жене кальки чертежей.

– Но это же был большой риск?

– Конечно. Если за банку маринованной морковки, которую ты подобрал в разрушенном доме, можно было угодить в лагерь, то за такое дело пощады не жди. Но если военнопленные французы содержались в лагере под охраной солдат Вермахта, то «вольнонаемные» французы, естественно, никем не охранялись и жили, как «свободные люди».

– И Женя что-то узнала?

– Да. Недели через три после встречи во время обеденного перерыва на берегу залива (весь завод был на берегу залива Варнов) она мне сказала, что детали, номера такие-то и такие, производит для ФАУ-2 «Мариене», а такие-то – завод «Бляйхештрассе».

Сигнал об этом пошел в Лондон. На заводской радиостанции «Мариене» тоже вместе с

немцами работали французы, они улучили момент и передали короткий сигнал в Лондон. А потом был страшный авианалет. Сначала разбомбили завод «Бляйхештрассе», а в августе – «Мариене». Попытка немцев восстановить завод закончилась еще одним налетом на «Мариене» в сентябре, и больше ни одного самолета из чрева «Мариене» не вылетело до конца войны.

– Наверное, погибло много людей?

– Конечно, и больше всего русских, так как их не пускали в бункер для немцев. Когда я приезжаю в Росток, первым делом еду на «свою могилу». Там меня завалило в подвале трехэтажного здания, а через какое-то время очередная волна американских бомбардировщиков меня «откопала», бомба упала рядом со зданием, и образовался лаз. Уцелевшие люди и я выбрались через него наружу. Но погиб Эдуард – один из «моих» французов.

– А как потом сложилась ваша жизнь?

– Оставшихся в живых после бомбежки русских перевели на кирпичный завод, примерно в сорока километрах от Ростка. Завод не работал. Его хозяин сдавал помещение Хейнкелю под склад. «Мариене», напомним, был сборочным заводом, какие-то детали для самолетов делали и на нем, но, например, моторы производил завод Хейнкеля в Магдебурге. Другие комплектующие производились на других заводах Хейнкеля, и они в вагонах и на платформах по железной дороге доставлялись на станцию «Мариене», почему и нужна была эта «транспорткомманда». Все эти комплектующие с других не уничтоженных заводов приходили в Росток, поэтому и были организованы несколько таких складов вокруг Ростка. Этот кирпичный завод стоял в чистом поле между городами Крепелин и Кюлунгсборн. Собственно, это было не «чистое поле»: с одной стороны находился лес. Глиняный карьер, несколько зданий, а рядом проходила дорога. Такие «мелкие» цели союзники не бомбили, они работали по крупным целям и большой массой самолетов. На «Мариене», например, в налете участвовало 300 бомбардировщиков Б-19, «летающие крепости». Бомбили они не прицельно, а по квадратам. Чтобы «накрыть» такой квадрат, как «Мариене», понадобилось триста самолетов.

Шли они обычно на высоте около 10 километров, ниже не спускались, поэтому огонь зенитных орудий практически их не доставал, только крупнокалиберные зенитные орудия могли достать, а к сорок четвертому году их в Германии осталось очень мало - все вооружение «высасывал» Восточный фронт. Бомбардировщиков сопровождали истребители, при налете на «Мариене» их было более сотни. Американцы налетали днем, а англичане – ночью.

Во второй половине сорок четвертого года авиация союзников полностью господствовала в небе Германии. Американцы выпускали в год около ста тысяч самолетов, англичане – тридцать тысяч, мы, как теперь стало известно, – около 40 тысяч. Германия же – не более 30 тысяч. То, что производила Германия, она использовала против нас на Восточном фронте. У американцев с самолетами проблем не было, а вот с пилотами – да. Пилотов не хватало.

Группу вел опытный летчик, он давал команду по радио, но они еще «обрисовывали» цель сигнальными ракетами, и тогда все эти триста самолетов (как при налете на «Мариене») открывали бомбовые люки, и... тысячи бомб устремлялись к земле.

На кирпичном заводе уже были совсем другие условия. Первый период: полгода нас держали в «Спорт-Паласте». В спортивном зале на первом этаже тысяча двухэтажных нар, на втором – еще 300. Подъем в 4 часа утра. До полшестого туалет и умывание. Все удобства во дворе. В половине шестого – построение, по четыре человека в ряд. Считали, пересчитывали. Ровно в шесть выводили из лагеря. Сопровождали вахманы с овчарками, некоторые вахманы были на велосипедах (объезжали колонну).

До завода «Мариене» 7 километров, находился он на другом конце города. 7 – туда, 7 – обратно, рабочий день 12 часов. В декабре 1942 года нас перевели в стационарный лагерь – 26 барачков по сто человек в каждом. Подъем делали уже в 5 часов утра.

А на кирпичном заводе был всего один полицейский (вахман) с собакой. Жили мы в бывшем хлеве для скота. Поднимали нас уже теперь в 8 часов утра. Всякие грузы мы брали на

станции Крепелин в 7 километрах от кирпичного завода. На кирпичном заводе был «шеф» и два шофера с машинами. Никакой колючей проволоки. Здания завода, барак, где жили немцы, навес, где стояли машины, глиняный карьер, а за ним сразу - лес. Так что – почти «свобода».

А бежал я вот как. Март 1945 года. Семья шофера Пауля жила в восточной Померании. Бои уже шли в восточной Пруссии. Пауль был мобилизован «Рабочим фронтом», и его послали на этот кирпичный завод. Наш «шеф» отпустил его съездить за семьей в восточную Померанию. Геббельсовская пропаганда, конечно, запугивала немцев: «Вот русские придут, они вам покажут!!!».

Естественно, что он хотел вывезти семью: жену и двух дочерей. Шеф меня послал с ним в качестве грузчика. Вот мы и поехали. Семью он собирался вывезти к родственникам под Любек, там близко уже находилась армия маршала Монтгомери. Доехали мы благополучно, погрузили имущество и должны были выехать с рассветом (ночью запрещалось ездить с фарами).

Наши были уже довольно близко. Ночью я пошел якобы в уборную и... бежал. И вскоре оказался в расположении советских частей. Так закончилась моя «заграничная эпопея».

ЦГТБ имени А. П. Чех